

ЗАЩИЩАТЬ КАЖДУЮ ПЯДЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ!

ПОЧЕМУ ПОГИБ ИВАН ТОПЧИЙ

Вчера погиб Иван Топчий, боец нашей роты. Он был убит на моих глазах. Мне достаточно на одно мгновение сосредоточиться, и я представляю себе его падающим в предсмертной агонии.

Сегодня, когда наша часть вернулась на оставленные позиции, мы нашли его в траве. На скутом солнце его лицо сделалось серым; но на нем как-то особенно живо застыла печаль и слезы.

Иван Топчий был парень как будто незлобный и добродушный. Но то, что отталкивало от него — была его решительность, слабовольность. Когда он спрашивал у товарища совета, это было не стремление еще раз проверить себя, а желание заставить кого-то другого решать за него. Он был охвачен, когда находил пирожку спину чужой воли, за которой мог надеяться сорваться.

Вместе с Топчием трусавы? Я много об этом думаю раньше. Рассуждения приводили меня к тому, что человек, не способный решать своих маленьких каждодневных задач, не мог, конечно, быть убежденным человеком и в более общем смысле. Но он не твердо, раз и навсегда определял свою цель, свое место в стране, в войне, в жизни? Могу ли он везти в авиацию своей страны и в свое собственное счастье, если он вообще не способен был на твердое убеждение и на святое, непреклонную веру?

В сложной передряжке я попал в Топчием дважды. Первый раз это было под Каневом, у моста через Днепр. Около реки стоял наш бронепоезд, по которому немцы били из пушек и минометов. Вокруг моста возмущались серые столбы дыма, у нас были в воздухе взлетающие куски снарядов и груды земли.

По этому пути нужно было пройти на правый берег. Путь был краток, но пройти его значило пережить вешеть. Кто бывал под немецкими минами, тот отлично знает, с какой методичностью разлетаются их отвратительный свист. Разрывы. Подминуты напряженные татушки. Снова разрывы. И ровно через полминуты все начинается сначала. Свист нарастает постепенно, мина летит медленно. Сам Топчий с дрожью в голосе уверял, что не раз видел собственными глазами ее кривую траекторию!

Мы научились уходить от немецких мин. Если она свистит справа, мы мгновенно перебегаем влево. Главное — быстро ориентироваться, намертво овладеть собой, подобрать всего себя для бешеного прыжка.

Минны они только Топчий. Когда раздавался взрыв, он еще долго не мог встать, не мог оторваться от бурка, который его так надежно укрывал. Самое дорогое мгновение он тратил на борьбу с собой, на преодоление своего малодушия. Когда же он, наконец, пересиливал себя, поднимался и начинал бегать, издалека уже долетал отзвук нового, злопыхающего свиста. Разрыв почти всегда заставал его бегущим. Получалось очень смешно: когда взрывалась стопа земли и дым и все мы уже лежали на земле, укрываясь в складках местности, он один (тот, кто больше всех этого боялся!) стоял среди ровного поля, совершенно беспомощно, растерянный и жалкий.

В конце концов он оказывался единственным раненым среди нас. Иначе и быть не могло. Топчий боялся, поэтому и попал в беду. Он боялся, поэтому так глупо и растерянно действовал, поэтому совершенно лишился способности управлять собой. Он не имел того непреодолимого убеждения, которое заставляет человека презирать опасность и делает его героем. Бесхарактерность, казавшаяся безобидной, неприятная жестокость заволокла его органы зрения.

Война тяжела, и много отважных людей сложили свои головы, с честью и слабой оставив свободу родной земли. На последней передряжке победы мы несчитаемся многих смельчаков, многих решителей.

ПАЛАЧИ

Трудно поверить, что этой женщине всего лишь 24 года. Зверские издевательства гитлеровских мерзавцев, надрыва тельства над ее телом, страшные боли и ужас пытки за короткий срок подломившие ее силы и сделали из молодой, цветущей женщины старуху, больного человека, инвалида. Ее знала молодой, жизнелюбивой женщиной, счастливой матерью, женой командира Красной Армии. Теперь перед нами — озорвавший, трусавый, озворающийся по сторонам старый человек. Большое личное горе и неопытный ужас всего пережитого вылились в ее черные локоны частые нити серебряной седины. Она пришла в лив партизанский отряд. Назвала по фамилии и рассказала о страшной расправе, учиненной гитлеровскими потрошниками над десятками мирных жителей в деревне К.

На заре обитатели деревни были разбужены треском автоматных и пулеметных очередей. Немский карательный отряд вошел в деревню...

Екатерина Герасимова, так назвали мы нашу собеседницу, схватила грудного ребенка и бросилась в подполье своей избы. Туза же она увлекла старуху-мать и четырехлетнюю девочку-сиротку. Подполье не могло служить надежной защитой от корчащих багнетов. Но ужас предстоящей встречи с немецкими извергами заглодел беззащитных людей в погребу, под печи, в чуланы.

Каратели более часа последовательно «процесывали» деревню от одного края до другого. Они подползли к каждой избе, проковыряли в рабские окна столбы автоматов и вышучивали по несколько длинных очередей. После этого они кричали: — Матка, выходи!

Около колодца собралось более половины жителей деревни. Напуганные, с лезвием на руках, они стояли тесно прижавшись друг к другу.

Затем жителей начали вынуждать в хату, где расползались офицеры. Каждой жертве ставились одни и те же вопросы: — Партизан? — Нет!

Действующая армия. Командир эскадрильи истребителей капитан Н. Варчук и молодой летчик старшина И. Ларкин, сбившие в одном бою по три вражеских самолета. (См. корреспонденцию «Боевой экзамен».) Фото И. Колла.

Боевой экзамен

Один из других взлетов истребителя, приоткрывавшись к взлету. Командир эскадрильи капитан Варчук, опытный летчик, совершивший 178 боевых вылетов, вел молодых летчиков-истребителей в первой боевой полет. Справа шел летчик Пантюхин, слева — молодой летчик, комсомолец Ларкин, позды — Соколов, Морозов, Журавлев.

Вскоре истребители заметили фашистские самолеты. Шли пятнадцать «Мессершмиттов-109-Ф». Шесть против пятнадцати! Запускался бой. Группа советских истребителей лезла бой в струю. И, как и старались фашистские стрелки разбить группу, чтобы поинтереснее расстрелять самолеты, им это не удалось. Один фашистский самолет, облитый пламенем, рухнул на землю. Затем был сбит второй.

КЛЯТВА

Клянусь: назад ни шагу! Скорей я мертвый сам На эту землю лягу, Чем эту землю сдать!

Клянусь, мы будем квиты С врагом... Даю обет, Что кровью будут смыты Следы его победы!

Суровой мерой смерть Пою мой вымы: Пусть покажет смертью Меня закон войны!

РЫНОК НЕВОЛЬНИКОВ

В Германию уголяют русских девушек. Их продают там на невольничьих рынках. Ужасна судьба этих дочерей советского народа, попавших в немецкий полон.

Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ферштера 405-го пехотного полка 121-й дивизии Курт-Готфрида Ламмермайера. Это письмо написано его матерью из местечка Люте близ Эйнкерн-рута:

«Улы пишите, что войной сыт по горло. Но мы пытаем надежды, что когда-нибудь случится особенно. Ведь мы не быть чудо. Вчера днем и нем приехала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в самаринке повесилась русская девушка. Хотя Анна Лиза обрвала веревку, туля у русской уже не было. Она была мертва. Наши работницы-польки говорят, что фру

НИ ШАГУ НАЗАД!

Как может красноармейское сердце терпеть такое, что немцы наступают, а мы продолжим отдавать ему нашу землю, наши города и села, обрекая наших детей, жон и матерей на жестокие муки и горькое прощание!

Верховное гитлеровское командование горюется упрямить неизбежные, страшные сны, сбиты. Оно пытается захватить как можно больше советской земли и воспользоваться не им посевными хлебом на Дону и Кубани и этим еще раз подхлестнуть настроенье себя в тылу и на фронте; у Гитлера доверчивых дураков еще много, и вагоны с советской пшеницей, всевозможные взвозут войны торжества у людей и голодных болельцами на губах.

Германский шаг свирепеет на каждого своего солдата как на добытчика: он-то уж привозит и хуторок с мельницей и швейничным полотном, и в Берлин пригонит рабыню — славянских девушек, не пропустит ни куска сала, ни хвоста вяленой рыбки, аккуратно укладывает для посылки одеяло с пуховой подушкой, и казачьи суконные шаровары, и шерстяные казачьи рубку и кофточку, и валезет в ее сумку, втерев кровь со своей ладони.

Гитлеровские солдаты идут на добычу. Они прут: они понимают, что негодяйство связаны с Гитлером и всей фашисткой Германской общностью кровавого преступления, — они боятся суда больше, чем смерти.

Германское командование намеревается вернуться к богатейшим районам нашей страны, к хлебу и нефти.

Тогда немцам уже не понадобится зарывать свои танки, тогда фашистские пилотышки к командам безушых, безоружных мальчишек, жадных до убийства, сподвигнут.

АЛЕНУШКА

Хотя Алenuшка нет и пяти лет, у нее две русые косы, а в косах голубенькие ленты. Фельдшерка Мария Григорьевна советует всем колхозникам непременно стричь ребятшек начево, но об Алenuшкиных косах никогда ничего не говорят. Представте себе махонькую, ладную, голубоглазую девочку с девственно смуглым личиком, с светлыми косичками, а в косичках — ленты того же цвета, что и глаза... У девочки нет два брата — Петруня и Гришутка. Нынешней весной Петруня перешел во второй класс, а Гришутка еще не учится: ему только семь лет. Об Алenuшке и ее братьях колхозники говорят неохотно завистливо: «Всегда-то они обштыне, обчашеные и, когда ни поглядываешь, всегда чистенькие, аккуратные, а ведь блужают, как и наши...» Иные матери очень дивятся Дарье Савостиной: «Когда это она успевае управиться и на ферме, и во дворе, и с тронями ребятами...» Дарья работает старшей телатницей и уходит на ферму перед рассветом, а возвращается только в сумерки. Весь день она в хлопотах, заботах: топят в телатнике печурки, моет коровники, поилам, пол, овна, носит с гуна солому для подстилки, всечески выхаживает слабосильных телушек. Пожалуй, во всем колхозе нет никого старшего ее. Иногда она делает даже то, что должна были бы делать другие телатницы.

Впрочем, в последнее время Дарья очень редко приходится работать за погруз. Уж на что Сергееха, крутая, румяная, немнимо болтавшая бездельница, даже она, понав под начало Дарьи Савостиной, несколько изменилась. Правда, она никого не изумляет своим прилежанием, но все-таки приходит на ферму в положенный час, корж-порт телушек, моет посуду, меняет подстилки... Говорит Сергееха попрехнее неустанно, но о Дарье Савостиной ни разу не сказала злого слова, хотя именно с бригадирами, зеньянами и вообще деревенскими активистами она спорится особенно часто и поэтому охотно и даже выхолощено слагает о них всякие сплетки.

Бажется, Сергееху покорила не столько бесконечная забота Дарья об артельной ферме, сколько душевная, трогательно-красивая скромность этой женщины. Когда в телатнике заходит работница из районного городка и любуется племенными, славно выкорюльскими, выхоленными телушками, светлыми подстилками, выхолобленными, вымытым полом, весело беседующими станиками, Дарья не вылезает вперед, не шлет поклова, не выговаривает громко: «У меня...» «Я распорядилась...» «Я завела свой порядок...» Ей все кажется, что в телатнике провра всяких неадекватностей.

Муж ее Максим Савостин, артельный овощевод, ушел год назад на войну. Он нежно любит Дарью, ребяташек и в каждом письме много расширяет о жизни семьи, о Петруне, Гришутке, но больше всего об Алenuшке: «Подружжико-то кто у нее?», «Полю, кушья у нее на огороде уже все развалилась! Скажи ей: вернувшись, слоужу печурку, напелую разных горшков, худышки, котеречки сделаю...» «Напиши, Дашутта, отводишь ты ее в детский сад или она с бабушкой? Лучше — в сад. И вообще опиши, какая она теперь есть...» Совсем недавно Максим написал:

«...Чего-то эти дни все вспоминаются один пусак: про «Шарика», как он от Петруни к ней убежал. Она ведь и не кормит его и внимания большого не обращает, а он все-всюк нее вертится и Петруню не признает. Живет «Шарик»-то? И потом все про «белый песочек» вспоминаю и прямо голос ее слышу...»

Ребятишек в избе не было, когда Дарья читала это письмо. Она заплакала. Накануне ухода на войну Максим сидел вот тут на скамье, подле него стояли Петруня и Гришутка, они расширяли отдала о войне и здоровье ли отец будет «бабахать немцев» и прочее такое... Вбежал «Шарик» — мохнатая желтая дворятка, приобретенная недавно Петруней. Она, видно, ветрчала Алenuшку, возвращавшуюся с бабушкой Ульяной из колхозного детского сада. Алenuшка вошла в синем сарафанчике, заложив руки за спину и лукаво и радостно потгдывала на отца.

— А у меня дядя есть, — проговорила она.

Тогда Алenuшко не было и четырех лет, и ей все еще никак не лавались три буквы: Р, Ж и З, и она не могла произнести слово железно, а сказала: дядя. И ждала, что отец, взяв железную стружку, принесет из кляти инструменты и сделает как делал раньше, что-нибудь интересное: например, бабочку, выхаживающую крыльями...

Максим подхватил Алenuшку, тогда на

Погоняемые автоматчиками, сопровождаемые волнами всей деревни, приговоренные похлестке в конце деревни.

Картина массового расстрела доподлинно рабском и пожаром. Пока одна группа немецких палачей вершила зверскую расправу, другая подожгла деревню.

Старуха-мать Екатерины Герасимовой решила умереть вместе с дочерью. С вучочком на руках она бежала за дочерью, шедшей на расстрел, и кричала: — Прощай! И меня убьете! Бейте, проклятые!

И ее били. Били чем попало. 70-летняя старуха падала, роняла внука, вновь находила силы, поднималась, поднимала ребенка и снова бежала за дочерью.

Около моста прозвучал расстрел. Расстреливали из автоматов, очередями. Сначала упали, сраженные пулями, Григорий Ермаченко, Петр Афанасов и Петр Кондратов. За ними — Григорий Дорощенков, Матвей Марин, Иван Марин, Григорий Солдатов, Григорий Левин, Мария Саванкова, Алексей Салдатов, Петр Никитин, Андрей Саванков, Мария Кондратова и Василий Кондратов.

14 жителей деревни К, бесстрашно приняли смерть от фашистских палачей. Деревня их была предана разграблению и огню. Десятки семей, оставшихся в живых, частью бежали в лес, частью были силой отправлены в глубь оккупированных областей в концентрационные лагеря, на земляные работы, отбаны в рабство. Деревня К, не стало.

Единственный оставшийся в живых свидетель кровавой расправы — Екатерина Герасимова. После долгих дней штыков и истязаний в фашистских штабных застенках ей удалось бежать, прийти в наш партизанский отряд и рассказать всю эту ужасную трагедию.

— Я не была партизанкой, — заявила Герасимова, — и не знаю, возьмете ли вы меня в отряд: слаба я здоровьем и сил у мне больше нет. Но пока теплится жизнь

Брянские леса, июль — июль.
М. СИВОЛОВОВ.
А. КОЛОСОВ.